

ОБЩЕСТВЕННЫЙ АКТИВИЗМ В УСТАНОВКАХ И ПРАКТИКАХ НАСЕЛЕНИЯ

Реутов Е.В.

кандидат социологических наук, доцент

Доминирующая в настоящее время в социальных отношениях российского общества замкнутость на «короткие» связи, с одной стороны, существенно ограничивает объем социального и человеческого капитала населения, с другой – препятствует социальной консолидации. Люди не чувствуют себя ответственными за то, что происходит вокруг них, и это состояние коллективной безответственности становится, к сожалению, устойчивым фреймом массового сознания. По данным Фонда «Общественное мнение» (апрель 2011 г.), 41% населения не чувствуют ответственности за то, что происходит в их городе (селе, поселке)¹. В действительности, если учесть склонность людей давать социально одобряемые ответы на подобные вопросы, доля людей с подобными установками, скорее всего, значительно больше. Преодоление данной тенденции видится в развитии практик самоорганизации – прежде всего, на «низовом», локальном уровне, связанном с решением повседневных проблем граждан. Необходимость самоорганизации, в свою очередь, актуализирует запрос на социальный активизм как устойчивую установку на решение индивидуальных, групповых и общественных проблем посредством самостоятельного определения тактических и стратегических целей, поиска ресурсов и приложения личных усилий. Формирование «активистского фрейма», как показало исследование К. Клеман и О. Мирясовой, не только способствует более эффективному решению локальных проблем (например, в сфере ЖКХ), но и ведет к росту коллективной самоидентификации, осознанию себя членом сообщества².

Очевидно, что в настоящее время в российском обществе активизм как установка и устойчивая жизненная практика – явление не массового порядка. Но и маргинальным оно также не является. И, что очень важно, массовое отношение к активизму не имеет характера стигматизации, общественного осуждения. Об этом свидетельствуют результаты проведенной нами в Белгородской области в апреле 2011 г. серии неформализованных интервью (N=51).

¹ Гражданский климат URL <http://bd.fom.ru/pdf/d15gk11.pdf> (дата обращения 14.05.2012 г.)

² Клеман К., Мирясова О. От обывателя к активисту: трансформация фрейма (исследование жилищного движения в Астрахани) // Социальная реальность 2008 №3 С 5-23 <http://socreal.fom.ru/files/sr0803-005-023.pdf>

Безусловно, выборка интервью, не являясь репрезентативной, не позволяет, давать однозначные количественные оценки изучаемому явлению. Но, тем не менее, общее распределение ответов и, еще важнее, их содержание, достаточно определенно характеризуют установки массового сознания и, отчасти, реальные практики.

Общественные активисты, по результатам интервью, представляют собой не такое уж редкое явление. Большая часть респондентов, отвечая на вопрос «Есть ли в Вашем окружении такие люди [общественники]?», ответили положительно, иногда отмечая довольно значительное их количество: «Конечно, есть, в нашем коллективе половина таких людей, которые являются общественниками...» (женщина, 43 года, ст. бухгалтер, село); «ну да, есть,» (мужчина, 23 года, студент, райцентр); «да, довольно много» (мужчина, 20 лет, областной центр); «безусловно, есть...» (женщина, 18 лет, студентка, село); «да, много таких людей» (женщина, 22 года, студентка, областной центр); «да, есть, я и сам этим занимался» (мужчина, 25 лет, областной центр).

Об отсутствии общественных активистов в своем окружении сказали не так уж много опрошенных. Скорее всего, общественная активность тех, о ком говорили респонденты, не выходит за пределы микросреды – организации, в которой они работают, или соседского сообщества, но, тем не менее, это люди, не замкнутые исключительно на личных интересах, и их деятельность является эталонной для значительной части населения. Об этом свидетельствует то, что большинство опрошенных положительно отреагировало на два вопроса, один из которых был направлен на выявление дескриптивной оценки общественных активистов из непосредственного социального окружения респондентов, а второй – нормативной – отношения к общественникам-активистам как таковым.

Вопрос «Скажите, как Вы относитесь к тем людям, которых называют «общественниками»?», как правило, вызывал у респондентов комплекс позитивных оценок – от простой констатации хорошего отношения до ярко выраженной эмоциональной поддержки. «Ну, к этим людям я отношусь нормально, хорошо» (женщина, 33 года, оператор, село); «с уважением» (женщина, 75 лет, пенсионер, райцентр); «конечно, положительно» (женщина, 22 года, студентка, областной центр); «хорошо отношусь, с пониманием» (мужчина, 25 лет, областной центр); «очень положительно» (женщина, 23 года, областной центр); «положительно. Это нужное дело» (мужчина, 20 лет, областной центр); «ну, это, прежде всего, уважение» (мужчина, 22 года, работающий студент, областной центр); «мне очень жаль, что я не на их месте, очень хорошо [отношусь]» (женщина, 70 лет, пенсионер областной центр.).

В основе положительной нормативной оценки активизма лежит комплекс обоснований. Прежде всего, это признание значимости той социальной роли в социальной консолидации, которую они выполняют: «Ну, я положительно к этому отношусь. Должны быть люди, которые организовывали бы нашу неорганизованную массу. В-общем, хорошо отношусь» (женщина, бухгалтер, 43 года, областной центр); «не знаю, по-моему, с их позиции, это очень даже хорошо, пусть организовывают хотя бы они общество» (женщина, 19 лет, студентка, райцентр); «я очень положительно к ним отношусь, на таких людях держится мир, они нужны обществу» (мужчина, студент, 22 года, областной центр); «Ну что сказать? Они, конечно, может быть, у них есть вот эта жилка, огонь что-то сделать для общества, как-то растолкать. Это мало таких людей, у которых есть желание помимо своей семьи, работы, еще они горят общественной жизнью. Им можно позавидовать, побольше бы таких!» (женщина, 38 лет, воспитатель, райцентр).

Во-вторых, это признание их вклада в решение конкретных проблем, помощи людям: «Если их старание, работа направлены на благо обществу, то я уважаю таких людей» (мужчина, 23 года, студент, райцентр); «очень положительно, без таких людей очень сложно, такие люди очень во многом помогают. Я всегда «за», хоть такой сама и не являюсь» (женщина, 25 лет, менеджер, райцентр); «я считаю, что если эти люди делают что-то для пользы людей, почему бы их не поддержать, пожалуйста, я с ними всегда» (женщина, 72 года, пенсионер, областной центр). Здесь, конечно, нормативная оценка в определенной степени основывается и на личном опыте респондентов, о чем говорят некоторые ответы: «Мы всегда с ними обсуждаем наши проблемы. Именно проблемы нашего поселка, то есть, я всегда могу узнать, что не хватает в нашем поселке, что будет дорабатываться, и какая нужна помощь» (женщина, студентка, 18 лет, село).

В некоторых случаях позитивно оценивается активизм как таковой, как жизненная позиция: «...потому что эти люди хоть что-то делают, а не сидят, сложа лапки, и получают деньги за то, что сидят» (женщина, домохозяйка, 45 лет, райцентр); «они, можно сказать, даже являются примером целеустремленности - люди, которые стремятся к цели» (мужчина, 23 года, студент, райцентр).

Иногда позитивное отношение связано с самоидентификацией: «Положительно. Я сам такой сейчас» (мужчина, 48 лет, учитель, село).

При доминировании положительных оценок активистов и их деятельности иногда в ответах респондентов проглядывает настороженность. Это связано либо с подозрением в возможных корыстных мотивах «Если они настоящие общественники, а не

высочки, которые хотят показать себя деятелями. Вот такие мне нравятся» (женщина, 62 года, пенсионер, райцентр), либо с отторжением активистского фрейма в принципе: «вообще с опаской. Излишняя инициатива у меня вызывает немножко страх, замешательство» (женщина, 48 лет, учитель, село).

Часть оценок респондентов носит негативный, иногда – жестко негативный характер. «К этим людям я отношусь плохо» (мужчина, пенсионер, 71 год, село); «ну как-то не очень они мне нравятся» (женщина, студентка, 20 лет, райцентр); «честно говоря, не очень хорошо» (женщина, 21 год, студентка, областной центр); «таких людей я, можно сказать, ненавижу» (мужчина, пенсионер, 71 год, село).

Отрицательные оценки чаще всего связаны с приписыванием активистам корыстных мотивов, основанным либо на изначальной предубежденности, либо на отрицательном личном опыте: «Насколько я знаю, даже по своему дому, в котором я живу, эти общественники все куплены» (мужчина, 48 лет, военнослужащий, областной центр). Встречается и убежденность в бессмысленности активизма, неверие в том, что таким образом можно что-то изменить к лучшему: «Все это, на самом деле, я считаю голословно и неправда. А, во-первых, опять же, если все это будет против власти, то власть это сразу же прикроет, еще никто такого существенного ничего не организовывал, что может повлиять на ход, скажем так, истории. И даже не истории, а, например, чтобы поменялась власть у нас в стране. Я уверен и считаю, что это вообще бессмысленный труд» (мужчина, 18 лет, студент, областной центр).

На отрицательную нормативную оценку в ряде случаев накладывается негативный личный опыт контактов с общественными активистами: «Есть ли в Вашем окружении такие люди [общественники]? Нравятся они Вам или нет? - Есть, ну как-то не очень они мне нравятся» (женщина, студентка, 20 лет, райцентр); «некоторые нравятся, некоторые нет» (мужчина, 44 года, экономист, райцентр); «встречаются. Не очень [нравятся]» (женщина, 48 лет, учитель, село); «Я к этим людям отношусь с осторожностью, они мне не нравятся» (мужчина, 48 лет, военнослужащий, областной центр)

Но в целом деятельность общественников из непосредственного социального окружения респондентов находит поддержку у подавляющего большинства: «Ну да, есть, нравятся и являются в моих глазах людьми, у которых есть чему поучиться» (мужчина, 23 года, студент, райцентр); «да, довольно много, нравятся» (мужчина, 20 лет, областной центр); «да есть, я и сам этим занимался, поэтому с пониманием и терпимостью отношусь к ним» (мужчина, 25 лет,

областной центр); «да, есть. Нравятся» (женщина, студентка, 18 лет, село); «Есть у нас уличком, она положительная женщина» (женщина, 59 лет, пенсионер, райцентр).

И, поскольку общественный активизм во многом является эталонным стилем поведения, среди респондентов оказывается довольно много тех, кто допускает для себя возможность самому стать общественником. Против ожидания, полное неприятие для себя статуса общественного активиста встречается относительно нечасто: «Могли бы Вы сами стать таким общественником? – Нет» (женщина, 21 год, райцентр); «нет, у меня нет желания такого» (женщина, студентка, 20 лет, райцентр); «нет, потому что я не могу обманывать людей» (мужчина, 48 лет, военнослужащий, областной центр); «нет, я бы не могла это, это не мое» (женщина, воспитатель, 28 лет, село). При этом часть отрицательных ответов связана не столько с негативными установками по отношению к активизму, но с состоянием здоровья и возрастом – такие ответы типичны для пенсионеров: «Могли бы Вы сами стать таким общественником? - Сейчас я не в состоянии, раньше я и в хоре выступала, и общественные проблемы решала. Бывали случаи, становила на хороший путь и руководство» (женщина, 71 год, пенсионер, село); «могла, но возраст не позволяет. По вопросам порядка... и молодежи» (женщина, 59 лет, пенсионер, райцентр).

И, напротив, значительная часть респондентов демонстрирует позитивную установку на общественный активизм: «Да, я бы могла организовывать других людей; я не знаю в какой ситуации» (женщина, 18 лет, студентка, областной центр),); «уже могла бы, да. Раньше, когда я была помоложе, я стеснялась, а сейчас мне это даже нравится» (женщина, бухгалтер, 43 года, областной центр).

Некоторые респонденты рассматривают общественную деятельность уже как вполне реальную перспективу. «Да, я думаю, я этим займусь, когда у меня появится больше свободного времени» (мужчина, 20 лет, областной центр).

Большинство респондентов, сообщивших о таком желании, даже достаточно четко представляют сферу приложения своих сил. «Могли бы Вы сами стать таким общественником? - Да. В сфере ЖКХ, на выборах» (мужчина, 23 года, операционист, село); «возможно, да. Организовать других людей на помощь окружающим в горе, соседям я бы могла» (женщина, 62 года, пенсионер, райцентр); «да, я бы могла бы стать общественником с удовольствием. В предвыборной агитации я могла бы поучаствовать» (женщина, 22 года, студентка, областной центр); «ну да. Если бы нужно было бы, чтоб все занимались спортом» (мужчина, 44 года, экономист, райцентр); «да, но у меня мало времени.

И в свободное от учебы время я принимаю участие. По уборке территории, по разведению клумб, вот такого характера» (женщина, 18 лет, студентка, село).

Некоторые опрошенные оговаривают специфический контекст потенциального активизма. «Думаю, что да. В ситуации, когда все молчат» (мужчина, студент, 22 года, областной центр); «мог бы, если захотел бы. Скорее всего, в ситуации, если бы мои права нарушались, или вопросы, которые задевали бы меня, моих близких людей - можно было бы стать общественником» (мужчина, 23 года, студент, райцентр). И, что очень важно, в некоторых случаях интервью фиксируют реальные активистские практики – некоторые на уровне простой констатации: «Я и так общественник» (мужчина, 48 лет, учитель, село), но многие – с конкретизацией сферы своей активности: «Я таковой и являюсь, я общественник. Всегда перед выборами я иду по своей улице, собираю людей, объясняю им, как надо голосовать, как вести себя в какой ситуации» (женщина, 43 года, ст. бухгалтер, село); «в студенческой жизни, иногда и в общественной, то есть, пошире, ну там выборы, например, вот недавно были - занималась общественной деятельностью. Пыталась даже в партии состоять» (женщина, 19 лет, студентка, райцентр); «Вообще в настоящее время я являюсь общественником в области профсоюзного движения Белгородской дистанции пути то есть защищаю права и интересы обыкновенных железнодорожников» (мужчина, 22 года, работающий студент, областной центр).

Естественно, результаты данных интервью, как уже говорилось, не позволяют дать количественной оценки установкам населения и реальным активистским практикам. Тем не менее, вполне можно констатировать, что общественный активизм, по крайней мере, на уровне установок, является вполне приемлемым и даже эталонным стилем жизни. Значительную часть населения можно назвать доброжелательными наблюдателями активистских практик и носителями потенциала общественного активизма, а некоторые, хоть их и немного, данный потенциал уже реализовали. Активистский фрейм, в отличие от обывательского, является значимым фактором социальной консолидации, а трансляция его позитивного опыта - важным механизмом формирования коллективной идентичности и чувства ответственности.